

История. - 2011. - 39 лет. - с. 7

СВЯЩЕННОЕ ЧУДОВИЩЕ

Марлен Дитрих и ее миф

2 декабря в Театре эстрады прошла премьера — Геннадий Шапошников поставил пьесу Дмитрия Минченка «Прощай, Марлен, здравствуй». Елена Морозова сыграла главную героиню.

Алексей ФИЛИППОВ

О том, что в нее вселилась душа Марлен и она уже выдержала неприятнейшее объяснение с Джозефом Штернбергом, актриса поведала городу и миру еще до спектакля — те, кто видел его афиши, могли подметить удивительное внешнее сходство исполнительницы и героини. Дитрих стала мифом сразу после «Голубого ангела», Елена Морозова вдохновенно выстраивает собственный миф: на сцену Театра эстрады выйдет причудливое существо, обещающее то с Катариной из «Укрощения строптивой», то с Раневской. Марлен Дитрих была проще — она не грезила наяву, и ее любимым блюдом навсегда остались сосиски с капустой.

У нее была плоская грудь, широкая талия, большие ноги и склонность к полноте. Грудь она безжалостно бинтовала, перед очередными съемками садилась на жесткую диету и с наслаждением отъедалась, когда работа подходила к концу. Свиные ножки, клецки, пивной суп: все это Дитрих стряпала сама и скармливала всюду следовавшему за ней клану (еще в двадцатые годы отлученный от супружеского ложа муж, подруга мужа, дочь, прислуга и переходящий любовник — они часто менялись, и имена значения не имеют).

Она была жесткой, рациональной, безжалостной, чудовищно скупой и любила жизнь, словно кошка. В придачу Марлен Дитрих была не очень хорошей актрисой — пик карьеры пришелся на двадцатые и первую половину тридцатых годов, а дальше ее нес на своих крыльях миф, легенда о холодной, играющей мужскими сердцами белокурой богине. Она стала одной из культовых фигур XX века, и любовные приключения сделали из этого не меньше, чем фильмы, — биографы до сих пор описывают страдания безнадежно влюбленного Ремарка или пылкую страсть стареющей актрисы к молодому, кряжистому, здравомыслящему, не собиравшемуся задерживаться в ее постели Жану Габену.

Дитрих прожила долгую жизнь, работала в концертах до тех пор, пока ее держали ноги, в шестьдесят четвертом году добралась и до московского Театра эстрады, в России встала на колени перед Паустовским.

(Она знала цену красивому жесту и с железной прусской последовательностью вставала на колени перед множеством знаменитостей — вплоть до немедленно расстегнувшего ширинку Бернарда Шоу.) А умерла Марлен, как и положено героине мифа, в полузабвении, одиночестве, почти в бедности. Несчастливая старуха, по нескольку дней оставшаяся одна (дочь набивала ее холодильник на неделю вперед), ушла в небытие мучительно и неприглядно, та, кого влюбленный Ремарк прозвал Пумой, окончательно утвердилась в бессмертии. Дитрих навсегда осталась символом Берлина двадцатых годов и — в меньшей степени — межвоенного, утопающего в показной роскоши Голливуда.

На просмотр к Джозефу фон Штернбергу Дитрих пришла в старомодной шляпке, с двумя чернубурками на плечах и в высоких перчатках — она много играла и без зазрения совести оставляла у себя понравившиеся ей театральные вещи, к 1929 году у нее уже был большой гардероб. К тому же она умела себя подать: рослая и статная германская дева, пруссачка до мозга костей, дочь погибшего в Первую мировую кавалерийского офицера произвела оглушительное впечатление на маленького, не отличающегося безупречным арийским происхождением Штернберга. Аристократическую приставку «фон» ему пожаловал Голливуд, и аристократка Марлен (имя было сценическим — родители назвали ее Марией Магдаленой) сделала вид, что ей глубоко безразлично и фильм, и сам режиссер. И это, конечно же, было совершенной неправдой: у Дитрих были кое-какое положение в артистическом Берлине, толстая трехлетняя дочь, милый муж, а у мужа — новенькая машина, но фон Штернберг считался звездой первой величины, и его фильм мог дать ей путевку в Голливуд. Так в конце концов и случилось.

В 1929 году Берлин был таким же государством в государстве, как сегодняшняя Москва. Это был город Брехта и только-только собирающегося завоевать его Гимmlера, город экспрессионистов и проституток, нищих, нацистов, миллионеров, сотен театриков, сонма истово верующих в Сталина коммунистов. Здесь было много — и, работая над

Марлен Дитрих: классическая красота

своей героиней, Дитрих наблюдала за дешевыми шлюхами. Ее «капризная Лола» была холодной, обольстительной, чуть-чуть вульгарной и бесконечно пленительной, в ней чувствовалась бисексуальность — и Берлин сошел от нее с ума. Позже Дитрих уверяла, что обнаженные сверх всяких принятых в 1929 году приличий ноги героини произвели сокрушительное впечатление и на Гитлера. Этим она объясняла почти параноидальное стремление нацистов залучить ее обратно в фатерлянд и превратить в первую актрису новой Германии. Но у Дитрих были и здравый смысл, и хороший вкус: идеология нацистов ее пугала, от их фразеологии ее тошнило.

У нее был свой путь — фон Штернберг влюбился в нее сразу и на всю жизнь и сделал для Марлен все, что может сделать для актрисы крупный режиссер. Для того чтобы так снимать женщину, надо очень сильно ею болеть — по фильмам Штернберга можно понять, как именно он видел Дитрих.

Благодаря ему Марлен потеснила считавшуюся «первой блондинкой Голливуда» Гарбо. Штернберг начинал день зав-

тракая с ней и ее мужем, на съемочной площадке ему приходилось работать с очередным любовником Марлен, а на вечернем приеме он встречался со старыми. Дитрих были чужды обычные представления о морали — она ощущала себя королевой и смотрела на мешанские предрассудки сверху вниз. Бесконечно это продолжаться не могло — фон Штернберг бежал, и ее карьера пошла под уклон.

Марлен отчаянно цеплялась за свою легенду. И в жизни, и на сцене московского Театра Эстрады она, стареющая и нездоровая, оставалась богиней из фильмов Штернберга. Она выходила на сцену, пела, и зрители не замечали, что Дитрих уже старуха, что она еще не оправилась после недавней травмы и на ее ноге открытая рана. А корреспондент монреальской газеты писал о ее концерте: «Она придает времени форму и материальность. Она кажется символом целого столетия худших и лучших часов западного человека...»

Обаяние этого мифа живо до сих пор — 2 декабря 2001 года на сцену Театра Эстрады вышла московская актриса, считающая себя Марлен Дитрих.